ТОТАЛИТАРИЗМ
И
ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

Выпуск 6

ТОМСК

2005

верующих и неверующих. Ленинград, 1975, с. 8.

9. «АиФ», 1990, № 23.

10.Подробнее о них см.: Ю.Стецовский. История советских репрессий. М., 1997; М.Дейч. Коричневые. М., 2003. А еще раньше рассматривал историю СССР через призму «Протоколов сионистов» Гитлер. Уже в «Моей борьбе» он писал, что большевизм есть порождение еврейского разума и учение, при помощи которого евреи хотят установить свое господство над всем миром (Гогун А. Указ. соч. С. 66-68).

11. Название, конечно, тоже неправильное. Вернее было бы назвать их «Протоколами мыслей красно-коричневого фантазера», так как их содержание не соответствует значению слова «мудрость». Но оно (в отличие от солженицынского) указывало на первоисточник и правильно связывало содержание последнего с «красной» идеологией.

12.Подробнее об этой антилогике тоталитарного сознания см.: В.Г. Томилов. «Диалектическая логика» и псевдонаука // Методология науки. Вып. 2. Томск. 1997; его же: К вопросу об особенностях советской историографии // Историческая наука на рубеже веков. Т. 3. Томск, 1999. Что же касается направления перехода, то оно имеет отношение не только к Солженицыну. Выше упоминались в данной связи писатели В.Белов и В.Распутин. Можно добавить к ним и бывшего оппозиционера И.Шафаревича: сравнение его «Трехтысячелетней загадки» с «Социализмом» позволяет сделать вывод о происшедшей у него «ломке мироощущения», аналогичной солженицынской.

Третьякова Т.Е.
Патриотический дискурс в современной России

Размышляя о специфике социальной реальности современной России, социолог, один из авторов теории «административного рынка», Симон Кордонский указывал на неполноту и фрагментарность её описания. [1] Одна из важнейших задач гуманитарного знания – преодоление этой ситуации, формирование целостной и максимально адекватной картины жизни общества. Способы познания социальной реальности во многом определяют специфику протекания политических процессов. Поскольку язык является фактором, структурирующим политическую жизнь, изучение языка политики – важнейший аспект политологического анализа. Благодаря исследованию языковой структуры политики и составляющих её дискурсивных практик, мы получаем возможность соблюсти принцип ситуативной истинности получаемого результата – политического

знания.

Целостное представление о политическом складывается в результате действия нескольких факторов. Прежде всего, ориентация в дискурсивных практиках политического языка. Для вхождения в политический мир важно усвоить его нормы и правила, язык общения, властную иерархию. Адекватная реакция на вызовы политической ситуации предполагает относительно свободную ориентацию в среде доминирующего политического дискурса и дискурсов, сопутствующих ему. Инициатором доминирующего политического дискурса является властвующая элита. Используя различные каналы коммуникации, элитная группа провоцирует создание общего поля смыслов для всех участников политического процесса. Политические дискурсы выступают в качестве механизмов идентификации и интеграции социальных агентов. Патриотический дискурс – один из самых значимых в этом смысле. Он проявляется в разных ситуациях. Истоки патриотического дискурса лежат в чувствах пиетета по отношению к Государству-Родине-Отечеству. Конструкты патриотического дискурса этого уровня имеют общенациональную природу и направленность. Патриотизм – важнейший элемент в структуре модели идеального гражданина, которая, в рамках конкретной политической системы, выполняет преимущественно нормативную и интегративную функцию. Патриот – от греческого patris (родина, отечество), в буквальном смысле - земляк, соотечественник, человек, любящий своё отечество, преданный своему народу, готовый на жертвы во имя интересов своей Родины. [2] В условиях стабильного политического развития при поддержании высокого статуса центральной власти, конструкты патриотического дискурса общенациональным политическим центром и транслируются на локальный уровень политики. Здесь происходит усвоение конструктов и неизбежная их деформация/адаптация в соответствии с местной спецификой. Инициируются локальные идентификационные процессы. Политические и этические аспекты патриотизма дополняются культурными и этническими.

Ситуация, когда центральные органы власти теряют статусную позицию, идентификационные процессы на местах развиваются более интенсивно. Потребность в формировании гражданина-патриота сохраняется, но «патриотический заказ» невнятен, не артикулирован. Представления об аутентичном патриотизме как модели политического поведения становятся неактуальными. Интегрирующая функция патриотического дискурса практически нивелируется. Происходит деформация общенационального дискурса патриотизма, его размывание. Подобные процессы происходят в Российской Федерации на современном этапе

политического развития. На фоне массовых протестов против монетизации происходит не только смешение двух видов политического дискурса – патриотического и дискурса вражды, но и подмена одного другим. Императивы патриотизма переплетаются с нотами этнической и религиозной нетерпимости.

Проявлениями дискурса вражды, считается не только очевидно неприемлемое словоупотребление, но и спорные, пограничные случаи. С одной стороны, наличие дискурса вражды в тексте (включая картинки, заголовки, анонсы) определяется достаточно субъективно. С другой стороны, используется ранее разработанная подробная классификация дискурса вражды. [3] Данная классификация учитывает две основные характеристики дискурса вражды – его вид и его объект.

Виды дискурса вражды варьируются от прямых призывов к насилию или дискриминации по национальному или религиозному признаку, до некорректных шуток на национальную тему. Таким образом, индикаторами этого вида политического дискурса являются: призывы к насилию; призывы к дискриминации, в том числе в виде общих лозунгов; пропаганда «позитивных», исторических или современных, примеров насилия или дискриминации; создание негативного образа этнической или религиозной группы; публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации; утверждения о неполноценности той или иной этнической или религиозной группы; утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной; утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы; утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы; рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.; обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство; упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей в унизительном или оскорбительном контексте (в том числе в уголовной хронике); призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнический или религиозной группе; цитирование ксенофобных высказываний и текстов без комментария, определяющего различия между позицией интервьюируемого и позицией журналиста; аналогично – предоставление места для явной националистической пропаганды без редакционного комментария или иной полемики; обвинение группы в попытках захвата власти

или в территориальной экспансии.

Объектами дискурса вражды являются не сами этнические или религиозные группы, а их медиа-образы. Из-за этого границы самой группы и ее образа могут не совпадать, могут также возникать обобщающие (например, «все иные», то есть «общая этническая ксенофобия») или крайне нечеткие образы, которым ни какая группа не соответствует (например, «кавказцы», которые этносом, в буквальном смысле этого слова, не являются, но которым авторы придают именно этнический оттенок). Объекты дискурса вражды изменяются с учётом актуальной политической ситуации и региональной специфики. Наиболее эксплуатируемые в российских регионах образы - цыгане; таджики; китайцы; вьетнамцы; чеченцы; армяне; азербайджанцы; арабы; турки-месхетинцы; кавказцы как целое; общая этническая и религиозная ксенофобия (т.е. без указания конкретного объекта); новые и малочисленные религиозные группы; иные религиозные категории.

Мощнейшим механизмом распространения политического дискурса этого типа являются средства массовой информации. Ресурсный потенциал СМИ и их способность влиять на формирование представлений о социальной реальности, заставляют обратить особое внимание на ту роль, которую СМИ играют в процессе производства политических дискурсов. Динамика развития дискурса вражды прослеживается при анализе Интернет-пространства. Так в начале 2005 года был вновь восстановлен для доступа сайт русского национал-социалистического движения «Славянский Союз» - организации национал-патриотического толка (в то же время, в европейских странах наблюдается обратная тенденция – доступы к доменам подобных организаций закрываются согласно решению суда).

Непосредственными источниками дискурса вражды часто становятся сами журналисты, особенно в тех случаях, когда они прямо или косвенно солидаризуются с чьим-то высказыванием в духе этнической и религиозной нетерпимости. Используя местные газеты, радио и телевидение, региональные власти манипулируют этническими стереотипами в политических и электоральных целях. «Засилье китайцев» - одна из самых животрепещущих тем в Приморье, активно использовалась в период губернаторства Е. Наздратенко. Проявления дискурса вражды, объектом которого стали турки-месхетинцы, мы обнаруживаем на территории Краснодарского края. На страницах местной газеты «Электрон-ТВ» от 23-29 февраля 2004 года появилась статья «Турки, go home to the USA». Авторы весьма эмоционально доказывают, что чрезвычайная криминальная обстановка в крае сложилась исключительно по вине представителей этой этнической группы. По прочтении статьи становится очевидным, что на территории

этого региона этнические русские («русские парни», «простые россияне») дискриминируются.

Многие региональные СМИ активно обсуждают проблему гастарбайтеров. В статье Елены Гордеевой [4] не содержится прямых обвинений и призывов к насилию. Более того, статья конструктивна по содержанию и поясняет, что поток мигрантов не является причиной безработицы в Тюменской области. Однако, название статьи («Хлеб у тюменских безработных отнимают гастарбайтеры») и сопутствующая тексту иллюстрация (лица представителей этнических групп, нетипичных для этой территории, перечёркнутые красными линиями) настраивают читателей на совершенно иное восприятие текста статьи.

В начале февраля 2005 года на сайте Новосибирской телерадиовещательной компании была помещена информация об оперативных действиях наркополиции. [5] В сообщениях неоднократно подчёркивалось, что наркотики распространяли представители одной из этнических групп (цыгане). Описание действий подозреваемых даётся в уничижительном тоне. Упоминание этничности в криминальной хронике – один из индикаторов дискурса вражды. Особое звучание эти материалы получают в связи с тем, что в начале 2005 года в посёлке Искитим Новосибирской области было зарегистрировано несколько поджогов домов цыган.

Поводом для интенсивного развития конструктов дискурса вражды в общественном сознании может стать сам факт обсуждения подобных проблем на телевидении (в большей мере это касается общественно-политических программ на центральных каналах). Широкий общественный резонанс получили прошедшие на центральном телевидении в феврале 2005 года программы, посвящённые обращению «пятисот». На общенациональном уровне в программах «Времена» В. Познера и «К барьеру» В. Соловьёва обсуждался «национальный вопрос». Публичная дискуссия с радикальными экстремистами лишний раз доказала, что телевидение способно транслировать ненависть. Обсуждение проблем взаимоотношений этнических групп с государством и между собой в формате ток-шоу, с голосованием телезрителей, создаёт прецедент. Позиция Альберта Макашова и его сторонников воспринимается как допустимая и обоснованная. Результаты зрительского голосования показали, что она находит поддержку у населения регионов. «Программа В. Соловьёва шла в записи четыре раза (по четырём «Орбитам»). И голосование каждый раз велось заново. Первая орбита – Дальний Восток: Макашов проигрывает Леонову 1185 голосов. Третья орбита – Урал – Макашов проигрывает Леонову 2960 голосов. Сибирь и Москва – Макашов выигрывает.» [6] Существует множество версий причин появления этих программ на центральном

телевидении. Одна из них – потребность в формировании образа врага, как механизма локальной интеграции. Конструкты патриотизма испытывают идейный кризис, они не способны адекватно отражать социальную действительность современной России, так как патриотические чувства основываются на доверии к государству, на вере в национальную идею. Потребность в этнической и гражданской идентификации сохраняется, но для её реализации используется дискурс вражды (в основе которого недоверие и разобщённость участников политического процесса) имитирующий, в большинстве случаев, дискурс патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кордонский С. Социальная реальность современной России публичные лекции на ПОЛИТ.РУ// www.polit.ru
2. Словарь иностранных слов. М.: Сирин, 1996. С. 367.
3. Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее. Мониторинг прессы: сентябрь 2003 – март 2004 г. Под. ред. А. Верховского. // Совместный проект Информационно-аналитического центра «СОВА», Московской Хельсинкской группы, Центра развития демократии и прав человека и Агентства социальной информации. М. 2004. С. 6.
4. Гордеева Елена. Хлеб у тюменских безработных отнимают гастарбайтеры // Вслух.Ру (Тюмень). 2005. 22 февраля. // http://www.vsluh.ru/art.shtml?num=70034
5. Шкляров Денис. Особняк цыган штурмовал отряд спецназа // НСТ – Новосибирск (Новосибирская ГТРК). 2005. 3 февраля, 10 февраля // http://novosibirsk.rfn.ru/mews.html?id=3279,3449.
6. http://www.xeno.sova-center.ru/213716E/21398CB/4F45836

Трунтягин А.А.
Посттоталитарные тенденции в современной России

Анализируя тоталитаризм как исторический и политический феномен XX века, мы не должны упускать того, что это не только особый политический режим, тип политической системы при котором целостный государственный аппарат стремится к всеохватывающему контролю как за жизнью всего общества в целом, так и за каждой личностью в отдельности, сегодня ряд учёных связывают с тоталитаризмом ещё и определенный тип мышления, в котором каждый отдельный индивид чувствует себя